

Валдемар

Людвиг

КОГДА ЦВЕТУТ МАКИ

Дорога плавно поворачивала вдоль излучины реки. Середина мая. Было тепло, но от реки веяло прохладой, и ветерок, влетающий в открытое окно машины, приятно охлаждал уставшее от длинной дороги тело. Вскоре река осталась позади, и шоссе потянулось вдоль давно нетронутых полей. Ровно гудел мотор старенького ГАЗ-69. Этой машине, наверное, лет сорок. Она была ухоженной, и в салоне чувствовался некоторый комфорт. Конечно, это не «Мерседес» и даже не «Опель Корса», но для этих мест газончик был самый подходящий транспорт. «Интересно, – подумал Эвальд, – долго бы выдержали на этих ухабистых грунтовых дорогах полированные и хромированные европейские стилиги?»

– Сколько лет этому газончику? – спросил он Дарбая, своего сокурсника по институту.

– По документам, машина была выпущена в 1962 году. В ней уже ничего родного не осталось. Рама новая, сиденья жигулевские, год назад новый мотор от «Волги» поставили.

Дарбай ударил ладонями по рулю:

– Эх! Что бы я делал без этого старичка?!

И действительно, чем дальше машина удалялась от населенных пунктов и центральных дорог, тем глубже была колея. Кое-где в ямах стояла вода, и колеса газика проваливались в яму. Мотор начинал натуженно реветь, Эвальда кидало из стороны в сторону, но газик, не теряя скорости, уверенно продолжал свой путь.

Целью друзей было Джайляу. Эвальд давно мечтал попасть в эти места. Здесь, в предгорьях Алатау, была еще нетронутая природа, ручьи не высохали почти все лето, в лощинах стояла трава в рост человека, и на зеленых холмах нагуливали жир овцы. В детстве он бывал здесь много раз. Живший через дорогу сосед, колхозный шофер дядя Боря, когда ему выпадал рейс на Джайляу, брал с собой своих двух сыновей и, так как Эвальд был их самый верный друг, его тоже. У него осталась в памяти длинная ухабистая дорога, зеленые холмы, видневшаяся за ними горная гряда, обтянутые широкими лентами с казахским орнаментом серые и белые юрты, запах горелого кизяка и кислого молока. День на Джайляу проходил всегда по одному и тому же сценарию. В первую очередь друзья забирались по еле заметным уступам на высокую гранитную гору и с интересом наблюдали за шофером и чабанами, превратившимися вдруг в лилипутиков. От мотора игрушечной машины шел пар. Чабаны и дядя Боря выгружали ящики

из кузова, потом что-то загружали в него и в конце концов по установившейся традиции исчезали в одной из юрт. Возле нее на сложенном из камня очаге стоял казан, в котором варилось свежее мясо. До самого вечера мальчики были предоставлены самим себе. Они лазили по горам, бегали наперегонки с собаками по травянистым склонам, дразнили бородатого козла, катались на неоседланных лошадях и к вечеру валились у юрты от усталости на землю. Через кошму слышен был громкий разговор и смех. Когда начинало темнеть, дядя Боря выходил вместе со своими собутыльниками на улицу. Кто-нибудь из казахов забрасывал в кузов связанного по ногам живого барана. Дядя Боря прощался за руку с чабанами, с их женами и детьми, с трудом залазил в кабину старенького ЗИСа, и дети, усталые, но счастливые, ехали домой. Дорога назад была еще длиннее, чем на Джайляу. Пьяный шофер терял иногда управление, колеса налетали на камни или выскакивали из колеи, маленькие пассажиры в кузове до хруста в пальцах держались за борта, боясь вывалиться, но все-таки к полуночи были дома.

Здесь, на Джайляу, Эвальд познакомился с Дарбаем. Он учился в интернате, но все каникулы проводил у своих родителей на отгоне. Случайно они оказались в одном институте, и дружба, начавшаяся в детстве, за время учебы окрепла. После института их распределили в одну и ту же строительную организацию. Эвальд долго оставался рядовым инженером, а Дарбай сделал карьеру, перешел работать в райком инструктором. Он далеко пошел бы со своей способностью аргументированно говорить, деловой хваткой и связями родителей, но пришедшая перестройка распорядилась его судьбой по-другому. Теперь он имел собственное хозяйство. Несколько отар паслись на Джайляу, на восстановленной ферме стояло два десятка коров, и старенькие трактора обрабатывали приватизированную им землю. Дарбай давно звал друга в гости, но у Эвальда не было времени. После каждого письма из Казахстана ему несколько ночей снилось Джайляу. Во сне он лазил, как в детстве, по горам, бежал по пологому склону к видневшимся в лощине юртам, пил из пиалы пахучий терпкий кумыс или наваристый бульон, и просыпался, запыхавшийся от долгого бега и от вкуса кумыса во рту. Наконец-то у него нашлась возможность вырваться из этого замкнутого круга повседневных забот, пропитанного сыростью и туманом климата, запахом асфальта, автомобильного угара и вони с крестьянских полей. Самолет перед обедом приземлился в аэропорту южного города, где его встречал Дарбай. Друзья перекусили в ресторане и после трех часов езды по асфальту свернули на грунтовую дорогу. Они сказали друг другу самое основное, и теперь Эвальд сидел возле водителя, отвлеченно слушал, о чем тот говорил, впитывал в себя окружающий ландшафт, наслаждался ярким солнцем, бившем в лобовое стекло, и свежим воздухом.

– На отгоне моих овец пасут брат и племянник, – рассказывал Дарбай. – Там же дядя пасет свои отары. Ты должен помнить моего дядю. Он еще получил Звезду Героя за несколько лет до перестройки. Старый, но крепкий старик. Недавно женился. Официально у него одна жена. Вторая жена у него была еще при советской власти. Когда его младший брат попал под поезд, осталась жена с ребенком. Кулантай забрал ее к себе в дом. Она родила ему еще двоих детей. Прошлой осенью новую жену взял. Самому уже под семьдесят, а молодой жене 25 лет. Вдова, но без детей. Кто-то из родственников привез ее из города. На сохранение, наверное, – он засмеялся и продолжил: – Мой племянник тоже недавно женился. Его жена закончила институт, на работу не нашла. Теперь помогает овец пасти.

Брат со своей женой тоже здесь, на отгоне. Вчера поставили еще одну юрту для моей семьи. Навес сколотили. По случаю твоего приезда настоящий той будет. Я попросил женщин нарядиться в национальную одежду. Им праздник, и тебе приятно будет.

Дорога начала петлять вдоль холмов. Видневшиеся впереди горы стали ближе, кое-где из земли торчали острые гранитные камни. Высоко в небе летало несколько птиц. Они парили над землей, как планеры, выискивая жертву. Суслики не зная о грозившей им опасности, столбиком стояли у своих нор и удивленно провожали натуженно ревущую на подъемах машину. Поднялись на очередной холм, и тут перед ними открылась неопишуемая красота. Ручей голубой лентой прорезал широкую лощину. Небольшое озеро раскрытой ладонью лежало у истока ручья, и в его прозрачной воде отражались зеленый склон горы с вкраплениями начинавших цвести маков, выступы серовато-розового гранита и синее небо. Несколько серых и белых юрт рассыпались по зеленому полю в ста метрах от озера. Где-то далеко, на другой стороне лощины, виднелись пасущиеся овцы. В солнечном испарении они, казалось, парили в воздухе. Лай собак доносился от юрт. Легкий ветерок приносил дым от топившихся очагов.

Газик сменил свой рассерженный рёв на удовлетворенное урчание и спустился по пологой дороге к юртам. Многочисленная ребятня оставила свои игры и побежала навстречу машине. Женщины в белых платьях и темных плюшевых жилетках прекратили свою возню у очагов и под навесом, сгрудились у одной из белых юрт и с интересом наблюдали, как их долгожданный гость выходил из машины. На некоторых из них были надеты шелковые платки или черные расшитые казахским орнаментом шапочки. От долгой езды у Эвальда затекли ноги и болела спина. Он с трудом сделал несколько шагов. Откуда-то враз появились мужчины. Большинство женщин и мужчин были ему незнакомы, но он с удовольствием пожимал каждому руку, искренне радуясь видеть безхитростные казахские лица, с которых ни царь, ни советская власть не смогли изгнать выражение собственного достоинства и уважения к гостю. С теми, кого хорошо знал, он обнимался, обмениваясь короткими фразами. Вот седобородый аксакал Кулантай. К нему Эвальд подошел в первую очередь, подчеркивая этим уважение к старшему. Вот Бауржан, брат Дарбая. Вот Сагындык, их племянник. Вот Сауле, жена его друга. Красавица, она не одному студенту в институте вскружила голову, но вышла замуж за Дарбая.

После приветствий мужчины расположились под навесом на расстеленных коврах. Одна из женщин разлила из кожаного бурдюка кумыс по пиалам. У дастархана на почетном месте сидел Кулантай. Он сложил ноги калачиком, ссыпал в ладонь несколько крупинок насвая, привычно закинул в рот и, комично двигая нижней беззубой челюстью, начал расспрашивать гостя о заграничной жизни. Эвальда посадили рядом с ним, подчеркивая этим его близость к самым почетным людям. С другой стороны от Кулантая оставалось место для Дарбая. По случаю «высокого» гостя мужчины были празднично одеты, а на Кулантае был накинут богатый, расшитый золотыми нитками халат.

В первую очередь аксакал начал расспрашивать гостя о здоровье жены и детей. «Жена здорова, работает в больнице, – отвечал гость. – Дочь учится в гимназии, сын в профессиональном училище». «Жаксы, жаксы» – приговаривали чабаны, показывая, как они рады, что в семье их гостя все хорошо. Ответы Эвальда иногда

восхищали, иногда удивляли его слушателей. А может быть, им было совершенно безразлично, о чем им рассказывал их гость, но из уважения к нему делали вид, что удивлены и восхищены. Они искренне удивились, когда их гость сказал, что работает столяром на мебельной фабрике. Как так?! Инженер с высшим образованием – и столяр?!

Пришлось объяснить:

– Большая безработица. Место инженера или мастера не нашел, и чтобы прокормить семью, пошел временно на простую работу.

Узнав, что их гость – простой рабочий, чабаны почувствовали себя свободней. И Эвальд был рад этому. Пропала та тонкая граница между «высоким» гостем из-за границы и чабанами из глубинки. Полился откровенный разговор. Дарбай с двумя молодыми работниками разделявал недалеко от очагов только что зарезанного жирного барана. Принесли чай с молоком, через некоторое время курдак. Разлили по полстакана водки и в ожидании бешпармака начали говорить о хозяйственных делах, о политике, о болезнях и о своих детях. Солнце ушло за горы. Где-то за юртами ровно гудела переносная электростанция. Одна лампочка под навесом и вторая возле казанов помигивали в такт работы двигателя, и возле них роилась мошка. Собаки выстроились у навеса, ожидая, когда принесут мясо и полетят обглоданные кости в их сторону.

Зазвучала домбра. Полилась песня на казахском языке, слова которой Эвальд частью понимал, а частью об их смысле догадывался. Странно, раньше, когда по телевизору начинался концерт домбристов, он переключал на другую программу, а сейчас вслушивался в песню, музыка входила в душу и вызывала чувство покоя. Домбрист пел о самых простых вещах: о светившемся красным светом закатном солнце, о прохладе гор, о холодной воде из родника, о путниках, ведущих на поводу навьюченных лошадей, о встречах в конце пути, и о счастье увидеть родные места. Певец импровизировал, и это была не просто песня о том, что он видел, эта была песня казаха о родных просторах, о родном небе, о Родине.

Принесли мясо по-казахски. На круглом разносе лежали лапша, кусочки казы и крупные куски мяса. Все с нетерпением ждали, когда Дарбай на правах хозяина разделит мясо на мелкие кусочки. Кулантай поднес раскрытые ладони к своему лицу, проговорил традиционную молитву, и мужчины принялись за еду. Эвальд не забыл, как едят бешпармак и так же, как остальные мужчины, захватывал пальцами кусочек мяса, добавлял лапшу и, стараясь не накапать на ковер и на рубаху, подносил еду ко рту.

Далеко за полночь, когда было съедено все мясо и выпита не одна пиала наваристой сорпы, когда по старшинству и по степени уважения каждый получил что-нибудь от головы барана, на Эвальда навалилась усталость. От выпитой водки не стал улавливать смысл разговора, невпопад отвечал на вопросы, и от жирной еды подступала тошнота. Он с трудом встал с ковра.

– Ты куда? – спросил Дарбай.

– Пойду, немного прогуляюсь. Может быть, искупаюсь в озере.

Женщины, сидевшие за круглым низким столиком недалеко от очагов и пышущих жаром самоваров, что-то сказали ему вслед и весело засмеялись. Наверное, было смешно смотреть, как, пытаясь ровно держаться на ногах, пьяный мужчина неуверенно взбирался по узкой тропинке на горбатый холм, за которым находилось небольшое озеро. Перевалив через холм, он спустился к озеру, на-

шел просвет в камышах, скинул одежду на каменистом берегу и вошел в воду. Она была холодной. Эвальд нырнул с головой и, задержав дыхание, проплыл под водой несколько метров. Не отплывая далеко от берега, он плавал кругами минут пятнадцать, пока не почувствовал, что замерз. Но ему стало легче. Мысли пришли в порядок, ушло чувство перенасыщенности, пропало желание спать. Он вышел из воды, прихватил одежду и пошел к большому валуну в двадцати метрах от озера. Здесь лег голый на траву, подстелив под себя рубаху. От нависшего над ним гранитного камня веяло накопленным за день теплом. Тень от камня тянулась до самого озера. Другая сторона озера была освещена луной, и вода там отражалась свинцовым светом. Камыши шевелили мохнатыми хвостами, и казалось, что, замороженная тихой ночью, шевелится в безмолвном танце людская масса. Где-то стрекотал кузнечик, несколько раз проквакала лягушка, и послышался всплеск после ее смелого прыжка в воду. Эвальд наслаждался тишиной и прохладой. Остывшее после купания тело покрылось гусиной кожей, но ему было лень вставать и одеваться. За холмом, в той стороне, где стояли юрты, слышался звук домбры и стук дизельной электростанции. На холме вдруг показался силуэт собаки. Она сбегала по тропе вниз, остановилась в десяти метрах от лежавшего в тени нависшего камня мужчины и зарычала. Послышались шаги, и вслед за собакой появился человеческий силуэт. С холма спускалась женщина. Догадаться об этом можно было по облегающей до самых пяток юбке, по высоко накрученному на голову платку-кимишек и по легкой неслышной походке. Она сказала что-то собаке и прошла мимо нее. Лица ее не было видно. Мужчину она не могла видеть, но, конечно же, догадалась, что кто-то находится под валуном. А может быть, она точно знала, кто может здесь быть? Женщина прошла к берегу. Собака послушно бежала за ней. На берегу женщина сняла кимишек с головы, и длинные волосы рассыпались вдоль спины. Она быстрыми движениями скинула с себя одежду и подошла к воде. Эвальд не имел представления, кто была эта женщина, и, не отрываясь, смотрел на ее силуэт в просвете между зарослями камыша. На фоне воды угадывались тонкая талия, маленькие груди и плавно округленные бедра. Женщина вошла в воду, окунулась с головой и поплыла к середине озера. Слышен был плеск воды под ее руками, но минут через пять вдруг стало тихо. Собака, суетливо бегавшая вдоль берега, тоже исчезла. Через десять минут Эвальд начал беспокоиться. Не утонула ли она? В мае вода еще холодная, и мало кто купается в это время. Что делать? Позвать кого-нибудь на помощь? А вдруг ничего не случилось? Если честно, ему было просто лень вставать и бежать куда-то за помощью. Да и озеро было не настолько глубоким, чтобы в нем можно было утонуть. Он всматривался в озерную гладь, надеясь вновь увидеть силуэт женщины. За гранитным валуном луна скрылась за тучей. Поверхность озера стала черной. Его глаза устали от напряжения, и он прикрыл их, но вдруг почувствовал кого-то рядом с собой. На расстоянии вытянутой руки от него стоял зверь. Кто это был, волк или собака? Панический страх охватил мужчину. Неожиданно за гранитным валуном хрустнула щебенка, легкие шаги приблизились к Эвальду. Незнакомый опустился возле него на колени, и он почувствовал чью-то ладонь на груди. Ему хотелось встать, но ладонь придержала его. Отвернувшись от зверя, он глянул на стоявшую возле него женщину. Лицо ее было скрыто волосом. Она наклонилась над ним, и мокрый волос защекотал грудь и лицо. Её ладони прикоснулись к его телу. Желание просыпалось в нем.

Он протянул ладонь и прикоснулся к маленьким и упругим грудям. Ее кожа была холодной и мокрой. Незнакомка нежно прошлась пальцами по лицу мужчины, засмеялась и пошла по склону к озеру. Он хотел встать и идти за ней, но сидевшая рядом собака угрожающе зарычала. Снова в камышином просвете виден был силуэт женщины. Она была прекрасна, мужчина был в этом уверен. Женщина вошла в воду и тут же вышла, не торопясь оделась, накинула платок и пошла по тропинке к юртам. Собака пару раз угрожающе гавкнула и побежала за ней следом.

Что это было – сон или действительность? Эвальд лежал под валуном, и ему хотелось, чтобы этот сон вернулся. Стало прохладней. Мужчина встал, оделся и пошел напрямую по травянистому склону туда, где уже перестал стучать дизель, и в ночной тишине слышались людские голоса. На востоке светлело. Несколько женщин суетились у потухших очагов. Никто из них не мог быть той неожиданной гостьей у озера. Все они были стары, и даже ночью можно было угадать в обрамлении белых платков морщины, потухший взгляд и усталость от прожитых лет. Кулантай спал на подушках. Двое мужчин допивали водку, заедая остывшим мясом. Дарбай стоял у входа в белую юрту и курил.

– Хочешь еще выпить? – спросил он своего друга.

– Нет. Я хочу спать.

Эвальд не спал уже почти сутки, и теперь ему хотелось только одного – лечь и от всего отключиться. Дарбай показал ему место в юрте. Он лег и мгновенно заснул. Ему снилась женщина. Опять ее лица не было видно. Она шла по росе к озеру, и там, где ступали ее голые ноги, оставались следы в траве, которые цепочкой тянулись за ней. Женщина вошла в озеро, и голубая вода плескалась о ее смуглое тело, и лучи утреннего солнца прятались в ее длинных волосах, и изумрудным блеском блестели капли воды на ее груди, и Эвальду хотелось идти за ней и пить ту воду, в которой купалась прекрасная незнакомка.

Проснулся он от жажды. Во рту все пересохло. Яркий свет пробивался через приоткрытый верх юрты. Солнечный луч бил ему в лицо. Он встал и вышел на улицу. Женщины, как будто и не ложились спать, все так же возились у казанов. Они здоровались с ним по-казахски, и он на том же языке отвечал им. Одна из них налила полную пиалу айрана и протянула ему. Гость с жадностью выпил этот спасительный напиток. Сбегав в стоявшую поодаль обтянутую брезентом будочку и умывшись под навешенным на кривой столб рукойойником, Эвальд сел на подстеленную кошму у столика. Перед ним поставили полную чашку свежих баурсаков, сахар в тарелочке и налили крепкий чай, разбавив его молоком.

– Где Дарбай? – спросил он у женщины, наливавшей чай.

– Он рано утром уехал в район. Сауле тоже с ним поехала.

На стойбище кроме трех пожилых женщин никого не было. Эвальду, с одной стороны, хотелось знать, кто была та незнакомка, но с другой стороны, он не хотел этого, боясь разочарования. Да и у кого спросить про нее?

– А куда делись остальные гости? – снова спросил он у женщины.

– Сегодня понедельник. Разъехались.

От стоявшего в зените солнца становилось жарко. Эвальд пошел по дороге на тот холм, откуда спускались вчера на машине. Подниматься по склону было не тяжело, но на ярком солнце рубаха стала влажной от пота. На самом верху холма он присел на плоский камень. Отсюда дорога в обе стороны шла вниз. Вчера еще холм был зеленый, а сегодня все вокруг до самой лощины зацвело

красным цветом. И следующий холм у горизонта был тоже окрашен в красный цвет. Эвальд обернулся в ту сторону, где стояли юрты. Так же голубым было озеро, так же нависала над ним гранитная скала, только склоны вокруг него расцвели маками, и голубизна озера стала от этого еще ярче и сочнее. Вот чего ему не хватало все эти годы. Этих цветущих маков, этого прозрачного воздуха, этого горячего солнца, этих парящих в высоте беркутов, этой голубой воды и этого бесконечного простора.

Впереди был шумный южный город с громкоголосым базаром, железная дорога с суетливыми вокзалами, запахами угля и мазуты, самолет, уносящий его в другую, привычную жизнь. В той жизни были жена и дети, которых он любил, работа, от которой он уставал, но которая ему нравилась, хвойные и смешанные леса, ярко-желтые рапсовые поля, церкви и замки с вековой историей, тысячелетние города и многоязычная речь. Там был теперь его дом. Но весна на Джайляу, этот маков цвет, эта широта степи и высота неба, всё это останется в памяти навсегда и будет всю оставшуюся жизнь снова и снова настойчиво звать к себе.

В июле 2023 года отмечают:

80-летие

Альсеит АКПАНБЕТУЛЫ, *поэт*

Кабир ГАБДУЛЛИН, *поэт*

70-летие

Тыныштыкбек АБДИКАКИМОВ, *поэт*

Гульнар САЛЫКБАЕВА, *поэт*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

